

Исроэл Эмиот. Пять стихотворений из цикла «Сибирь»

24.02.2021

Биробиджанер Штерн

Рисунки Розы Строчковой mtdata.ru

Его лагерная лирика — тот случай, когда молитвенная словесная привычка детства преобразилась в напряженную, очень личную интонацию выяснения отношений с Богом

Эта подборка стихотворений представляет биробиджанскому читателю лирика, писавшего на идише, Исроэла Эмиота переводами пяти его стихотворений из цикла «Сибирь». Переводы принадлежат мне, но они были бы невозможны без английских переводов Лии Ватсон (Зазулер) и подстрочников с идиша Елены Сарашевской.

Исроэл (Исраэль) Эмиот приехал в Биробиджан в 1944 году. В 1949 он был арестован, а весной 1950-го приговорен к десяти годам трудовых лагерей. Вышел из лагеря в 1956, поздней зимой, вернулся в Биробиджан и прожил в нем несколько месяцев до отъезда в родную Польшу и последующей эмиграции в США.

Эмиот — псевдоним. По отцу Яновский, по матери — Гольдвассер (это паспортный вариант имени, под ним поэт отмечен в «Книге памяти ЕАО»). Родился в 1909 году в польском местечке Острув-Мазовецка (в 1939 году этот городок оказался буквально на линии разграничения немецкой и советской зон оккупации). Умер в 1978 году в Рочестере, США. Между этими событиями были литературное взросление в идишских польских кружках 20—30-х годов, бегство из оккупированной нацистами Польши, драматические обстоятельства жизни в Советском Союзе и эмиграция.

У наследия Эмиота и памяти о нем в Биробиджане — странная судьба. Его иногда упоминают среди имен живших и работавших в городе еврейских поэтов 1940-х годов, но упоминают между делом, иногда смело фантазируя на тему его биографии. В школьной хрестоматии «Литература ЕАО» 2005 года он отсутствует вовсе. Да что там хрестоматия. Поисковик в браузере вечно предлагает заменить его на Элиота — Джорджа или Томаса.

Между тем, по моему глубокому убеждению, это один из тех, чье имя внесено в книгу поэтической вечности и не может быть из нее изъято.

Впервые я узнал о нем благодаря Лие Зазулер: в самом начале 1990-х она прислала мне несколько экземпляров сборника «Сибирь» с идишскими оригиналами и собственными вдумчивыми переводами на английский. Я перелистал книжку и отложил в сторону: в тот

момент мне было не до того. Потом, уже в конце «нулевых», я перевел стихотворение «Гимн сибирскому закату». Сейчас не могу сказать, почему это случилось. Возможно, просто наткнулся на эту тонкую книжку с танцующим хасидом на обложке, разбирая домашнюю библиотеку. У перевода долгое время было сетевое существование (в «Записках дьяка Федора Тонкова»). В прошлом году Елена Сарашевская и Валерий Гуревич предложили мне продолжить эту работу. Пандемия, почему нет.

Так получилось, что тексты Эмиота стали для меня одним из главных событий прошедшего года.

Его лагерная лирика — тот случай, когда молитвенная словесная привычка детства преобразилась в напряженную, очень личную интонацию выяснения отношений с Богом, пульсирующую, как артерия: постоянно, толчками. Это искренняя, абсолютно неформальная молитвенность, трезво не теряющая из виду происходящего вокруг. Это разговор с Богом, где и молитва, и память о детстве, и требовательность практического разума, и житейское гореванье, и лирический экстаз, и опустошенность — вместе. Читая Эмиота, понимаешь, что он постоянно был вовлечен в этот разговор, и стихи — лишь усиленные, высветленные поэзией фрагменты разговора.

Полнота драматического разговора с Богом и с самим собой о главном напоминает борец Иакова у реки Яббок, что однажды упомянуто Эмиотом в названии книги о тшуве — возвращении к настоящему себе самому. О переходе к главному. Вброд. И в каком-то очень точном смысле Исроэл Эмиот тоже был из тех, кто борется до рассвета. То, что главной тшувой его жизни стал трудовой лагерь в Сибири, где ткань жизни провоняла смертью, унижением и изнеможением — не более чем обстоятельство, но обстоятельство в высшей степени знаменательное. Как скажет признанный им праведником Авром-Хаим, бухарский сефард, «оказаться здесь — это на самом деле редкая заслуга».

Мои переводы — вольное переложение, которому часто сопутствует то, что Капнист некогда назвал «благонамеренной растяжкой». Некоторой модификации подвергнута строфика. В переводах отсутствует рифма (у Эмиота она, как правило, есть). В интересах читателя, принадлежащего к русской культуре, существенно ослаблена лексическая предметность еврейского религиозного быта. В остальном я пытался вслушиваться в его стихи внутренним слухом.

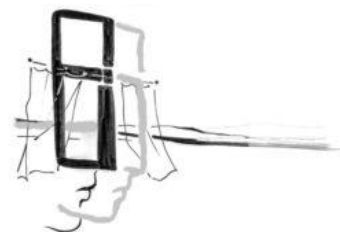
О жизни и творчестве Эмиота можно и нужно сказать словами любимого им Рильке: *und doch ist Einer, welcher dieses Fallen unendlich sanft in seinen Händen halt* — и все же есть Тот, кто с бесконечной нежностью держит в Своей руке [все наши] паденья.

Я опять обменяю дневную норму хлеба на пачку махорки.

Это привычно: день без хлеба.

А что делать? Даже в книге «Маавар Яббок», которая готовит к переходу в мир иной, об этом не прочитаешь.

Уже осточертела вся эта маршировка — понукание к вечной ходьбе строем;

благословен тот, кто мертв, и ты, возможно, следующий,
кто подойдет под это формальное благословение.

А я вот совсем выжил из ума: как нужно правильно ходить-то — на двух ногах
или ползать на четвереньках, как выбившееся из сил животное?

Молитва о том, кто слаб

Тому, кто слаб — помоги, о помоги ему, Боже,
остаться человеком.

И пусть мир плюнул на него и растёр,
ползком, на четвереньках — ему лишь бы добраться до Тебя.

Твоя вечность уготована героям,
а слабый — тот, кто хотел бы урвать пару Твоих минут —
остается с пустыми карманами,
как еврей, ограбленный на ярмарке.

Ты всемогущ и несешь на себе
ощутимую тяжесть миров и звезд,
но, бывает, случается так, что вечернее небо кровенит тоской и безысходной скорбью, —
а ведь это уже Твоё слабое место...

Так помоги ему, слабому-то, помоги, Боже,
остаться человеком.

И пусть мир плюнул на него и растёр,
ползком, на четвереньках — ему лишь бы добраться до Тебя.

Гимн закату солнца в Сибири

Смутно мне, Боже...

Юлиуш Словацкий

Боже мой, я печален, а закат в этих местах так прекрасен,
так многоцветен!

Там, в Твоей высоте, такая красота, а внизу такая мерзость,
и люди гибнут.

Боже мой, я печален...

Как крестьянин, покинувший свои поля,
чтобы отпраздновать на свадьбе или принять участие в факельном шествии, —
в разгар посевной страды, оставив землю невспаханной, —
так и Ты ушёл далеко и поманил за собой птиц.

Боже мой, я печален...

Дай, открой мне ключи Твоего потаённого града.

Разъясни мне смысл Твоего жестокого суда.

Да зачем же всё так восхитительно там, наверху, где находишься Ты,
тогда как здесь, внизу, всё так мерзко, и люди гибнут?!

Боже мой, я печален...

Молитва человека в снегу

Сегодня на снегу ни одной капли крови.

Никто не был застрелен.

Вокруг тебя только снег. Снег.

И в самом тебе снег: белый на белом.

Защити меня, Боже, от снежных слов:

Ты был взвешен и найден легким.

Облик поселка — снег.

Небо, которому, казалось бы, негде упасть,
тоже проваливается в снег.

Калитку мотает на ветру —

какая сложная просодия, но и это об одном и том же: снег.

Потому что поселок — снег,

утренние молитвы — снег, дневные молитвы — снег, вечерние молитвы — снег,

восток, запад, север, юг — снег;

человек в снегу,

собака в снегу,

лошадь в снегу.

Мой маленький, еще оставшийся мне день считает вслух, как ребенок —

до двух:

раз — снег,

два — снег,

снег,

снег.

Мой сон игрушечной лопаткой сосредоточенно копает прошлое — детство;

он проходит почву слой за слоем

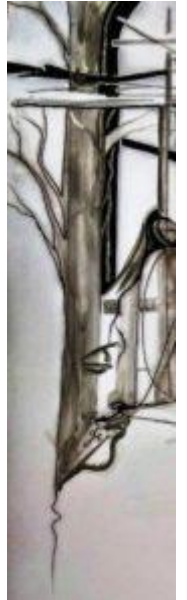
туда, где наш дом и его гости:

они неожиданно приходят и уходят — странные, интересные, взрослые люди...

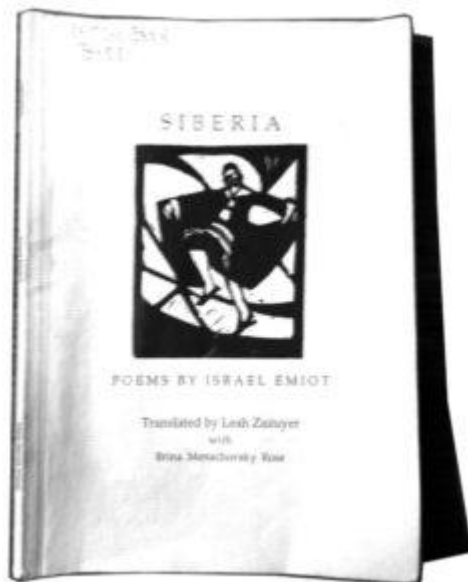
И вот моя детская комната окрашена
отчетливым светом вечеряющего дня
цвета покрошенной с орехами праздничной моркови,
и вот уже вечер, и наша улица преисполнена вечерним светом, как благодатью.

И вот — я опять один,
раннее утро, мороз,
и холодные древесные стволы смотрят сквозь барачное оконце.

Как много дней и дорог прошло
от меня до меня — столько,
сколько от Польши до Сибири.

Павел Толстогузов

ישראל עמיות

כיוועל טוישן דאָס ברויט אויף אַ קעסטעלע טאַבאַק,
געווינט שוין, געווינט שוין צו אַ טאַג אָן ברויט,
וואָס זאָל איך טאָן? — אין מעבר יבק
זעט זיך נישט פֿאַר אַזאַ מין אַ טויט.
דערעסן דאָס אייביקע אין ריי גייען, אין ריי גייען,
און ס'איז גאָר אַ ברכה: מיט די פֿיס צום טיר,
אַז כ'האַב שוין פֿאַרגעסן צי דאָרף איך אויף צוויי גיין,
צי גאָר, ווי אַ בהמה, קריכן אויף פֿיר...

אַ תפילה פֿאַרן שוואַכן

און דעם שוואַכן — אַ, העלף אים, העלף אים, גאָט,
ער זאָל צו אַ מענטש זיין געגליכן,
ס'האָט אים באַשפּיגן די וועלט, זאָל ער צו דיר
אויף אַלע פֿיר כאָטש דערקריכן.

דין אייביקייט גרייט אָן די וועלט
פֿאַרן העלד, דער שוואַכער האָט דינע מינוטן געוואָלט נאָשן
און איז געבליבן ווי אויף אַ יאָריד
אַ באַגנבֿעטער ייד, מיט ליידיקע טאַשן.
ביסט אַלמעכטיק און טראַגסט אויס אויף זיך
די מאַסע, די שווערע פֿון וועלטן און שטערן,
נאָר דער פֿאַרנאָכט איז דאָך אויך דינער, דין שוואַכע מינוט,
ווען דין הימל עס גלייט פֿון בענקשאַפֿט און באַגערן.
טאָ העלף אים, דעם שוואַכן, העלף אים, גאָט.
ער זאָל צו אַ מענטש זיין געגליכן,
ס'האָט אים באַשפּיגן די וועלט, טאָ זאָל ער צו דיר
אויף אַלע פֿיר כאַטש דערקריכן...

הימן צום זונען־אונטערגאַנג אין סיביר

Smutno mi Boze...

(iSlowack)

איז מיר אומעטיק, מײַן גאָט, וואָס די שקיעה איז דאָ אַזוי שיין,
מיט אַזוי פֿיל פֿאַרבן, אַזוי פֿיל פֿאַרבן,
אויף דין הימל — אַזוי שיין און אונטן — אַזוי מיאוס
מענטשן שטאַרבן...
איז מיר אומעטיק, מײַן גאָט...
ביסט אַוועק, אַוועק, און פֿאַרבעטן פֿייגל אין דער ווייט
ווי צו אַ חתונה, צו אַ שימחה־פֿלאַקער,
ווי אַ פּויער וואָס לויפֿט אַוועק און לאָזט איבער זיין פֿעלד
אין ברען פֿון פֿאַרזיי, זיין פֿעלד נישט געאַקערט —
איז מיר אומעטיק, מײַן גאָט...
אַ, אַנטפלעק מיר דעם שליסל צו דין פֿאַרבאַרגענער שטאַט,
כּווייל וויסן דעם זין פֿון דין משפט, דעם האַרבן,
פֿאַר וואָס אַלץ ביי דיר אויבן איז אַזוי ווונדערלעך שיין
און אונטן אַזוי מיאוס וועלן מענטשן שטאַרבן —
איז מיר אומעטיק, מײַן גאָט.

אַ תּפֿילה פֿון אַ מענטשן אין שניי

ס'איז הינט קיין בלוטפֿלעק נישטאָ אין שניי,
מ'האָט קיינעם נישט געשאָסן, איז שניי און שניי.

אַרום דיר — שניי,

אין דיר — שניי,

ווייס צו ווייס.

אַ, באַהיט מיך, גאָט פֿון די שניי־קע ווערטער:

מנא מנא תקל ופֿרסין.

פֿאַרן דאָרפֿיש פנים: שניי

פֿאַרן הימל וואָס האָט נישט ווי צו פֿאַלן

און פֿאַלט אין שניי,

פֿאַר טויערלעך צעוויגטע אין ווינט

וואָס האָבן אַזוי פֿיל צו זאָגן

און זאָגן בלויז: שניי

פֿאַרן דאָרפֿיש פנים: שניי,

פֿאַר שחרית — שניי, מוסף — שניי, מעריב — שניי,

פֿאַר מיזרח, מערב, צפֿון, דרום — שניי,

אַ מענטש אין שניי,

אַ הונט אין שניי,

אַ פֿערד אין שניי.

דאָס טאָגל ציילט ווי אַ קינד

ביז צוויי:

איינס — שניי,

צוויי — שניי,

שניי,

שניי.

חלומות

מיין חלום גראַבט אַלץ טיף די שיכטן

פֿון מיין קינדהייט, פֿלאַסט נאָך פֿלאַסט,

אַרײַן־אַרויס גייט גאָסט נאָך גאָסט

אין אונדזער הויז, אומגעריכט איז.

און געפֿאַרבט פֿון טאָג דאָס ליכט איז,

ווי מער געבראָקט מיט ניס, ווי ס'פאַסט

פֿאַר חול־המועד, ווען אונדזער גאָס

מיט אַזאַ אָוונטליכט געדיכט איז.

עלנט צי איך פֿרי די דעק אָפּ

פֿון מיין געלעגער, פֿריריק קאַלט

קוקט אין שויב אַרײַן דער וואַלד.

איז אַזוי פֿיל טעג און וועג אָפּ?

אַזוי פֿיל וועג פֿון מיר צו מיר

ווי פֿון פוילן קיין סיביר.

-
-
-
-
-
-